

ИЛЕНА ОГНЕВА

ШЁЛКОВЫЕ
ТЕНИ

18+

Илена Огнева

Шёлковые тени

<https://litres.ru/74284033>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она была лишь тенью в храме, обученной дарить наслаждение, но не чувствовать его. Он — властный лорд пустыни, привыкший брать всё, что хочет пока не понял, что ему нужно не владение, а её доверие. В мире песка и шёлка, где каждый взгляд обжигает, а каждое прикосновение — ритуал, им предстоит научиться любить. Она — впервые испытывать наслаждение, он — беречь её хрупкое сердце.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Илена Огнева

Шёлковые тени

Глава 1

Солнце клонилось к закату. Его тяжёлые, янтарные лучи уже не палили, а лишь ласково касались каменных арок, вычерчивая на плитах двора длинные, призрачные тени. Аэриан въехал в ворота храма Танца и Неги, чувствуя, как с каждым шагом коня из тела уходит напряжение долгого дня. Жар, державший в тисках с рассвета, наконец уходил. Вечерняя прохлада ложилась на кожу, обещая отдых и рождая предвкушение.

Аэриан спешил, не дожидаясь слуг, на миг замер, прислушиваясь к привычному хаосу приграничного города. Крики погонщиков сливались с ржанием лошадей, стук копыт гулко отдавался от стен, воздух был густ от запаха пыли и лошадиного пота. Но стоило чуть повернуть голову, и в эту грубую песнь вплетались тонкие, изысканные ноты. Аромат шафрана и кардамона с кухни, лёгкий шлейф жасмина, доносящийся из внутренних садов, пряная горечь тлеющих палочек благовоний. В этом смешении грубого и утончённого было нечто волнующее, сама граница между усталостью и наслаждением становилась тоньше с каждым вдохом.

Во дворе, вымощенном плитами из розового мрамора с прожилками цвета гранатового сока, стояли бронзовые курильницы на витых ножках. Из них поднимался дым, окрашенный золотистой пылью. Он клубился, закручивался в спирали и медленно таял в воздухе. Над арками висели кованые фонари с узорчатыми медными решётками. Сквозь проёмы пробивались косые лучи, рассыпая по стенам мозаику света, похожую на золотые монеты. Чуть дальше, в нишах между колоннами, стояли резные скамьи из чёрного дерева, инкрустированные перламутром и бирюзой.

Слуга принял поводья, поклонился без лишней суеты. Здесь знали, что гостю не нужны пустые слова. Аэриан провёл ладонью по шее коня, задержался на миг и сказал слуге: — Позаботься о нём.

Внутри храма суета сменялась размеренной тишиной. Мраморные полы, уложенные узором, холодили уставшие ноги, а воздух становился чище, напоённый тонкими благоуханиями. По стенам тянулись резные панели из кедра, покрытые тонкой вязью орнаментов: переплетающиеся лозы, цветы, завитки, напоминающие парные спирали дыма. Слуги двигались бесшумно, точно тени, и уже скоро Аэриан поднимался по лестнице в верхние покои, где шум двора почти не был слышен, а вместо него в кровь начинал проникать другой ритм, тот, что задавала тихая музыка.

В комнате царил полумрак, разгоняемый мягким светом масляной лампы под полупрозрачным абажуром. Пламя

дрожило, отбрасывая на стены живые, танцующие блики, которые скользили по узорам, повторяя ритм музыки.

Аэриан глубоко вдохнул. Здесь пахло сандалом и сухими лепестками роз. Этот запах смывал с него дорожную усталость и одновременно будоражил, пробуждая в нём то, что весь день дремало под тяжестью обязанностей.

На низком столике из палисандрового дерева с инкрустацией из слоновой кости слуги расставляли кувшин с вином, тарелку с сочными фруктами и кубок из чеканного серебра, украшенный эмалевыми вставками. Сейчас Аэриану хотелось просто ощутить, как напряжение покидает плечи, как прохладный мрамор под ногами вытягивает из тела жар дороги.

Во внутреннем дворике журчал фонтан. Вода стекала по ступеням из зелёного оникса, образуя тонкие прозрачные завесы, в которых играли последние отблески заката. Этот звук был похож на тихий, уверенный шёпот времени, которое наконец замедлило свой бег, давая Аэриану понять, что впереди целая ночь, и она принадлежит ему. Где-то вдалеке звучала музыка.

Аэриан подошёл к низкой скамье у окна, обитой тёмно-бордовым бархатом с золотой каймой, сел, позволяя себе наконец расправить плечи. Он сделал глоток вина — терпкого, с лёгкой горчинкой и оттенком специй, — и прикрыл глаза.

Раздражительность, копившаяся весь день из-за жары и

бесконечных дел, таяла.

Аэриан улыбнулся краем губ. Сегодня он заслуживал отдыха. И, возможно, чего-то большего.

Он вышел на балкон, оперся ладонями о тёплую каменную балюстраду. Она ещё хранила дневное тепло, и не хотела отпускать солнце. Сумрак уже почти стёр резкие контуры двора, и на смену ему неспешно приходила мягкая, бархатная темнота. Огни загорались один за другим. Сперва у ворот, потом вдоль галерей, затем в глубине двора, где тянулись ряды навесов для лошадей. Свет лился из резных медных светильников, дробился на тысячи золотистых искр и смешивался с поднимающимся от курильниц дымком, в котором таилась тонкая, пряная магия вечера.

Лорд сделал неспешный глоток вина, чувствуя, как терпкость напитка и пряные ноты специй медленно растекаются по языку, подчёркивая эту редкую минуту тишины.

Где-то внизу жизнь не затихала ни на миг.

Ароматы менялись вместе с сумерками. Дневная пыль и запах лошадей уступали место вечерним благовониям. Густой, смолистый ладан тянулся из храма, смешиваясь с тёплым, древесным запахом сандала, который курился у входов в покои. К ним примешивались пряные, аппетитные запахи с кухни. И поверх всего этого, тонкой, едва уловимой вуалью, витал особый, терпкий аромат храма Танца и Неги. Смесь масел и благовоний, которые жрицы готовили по древним рецептам, передаваемым из поколения в поколение. В этом

запахе было что-то колдовское, обещающее забыть обо всех заботах и раствориться в наслаждении.

Музыка, которая раньше доносилась откуда-то издалека, теперь звучала отчётливее. Барабан отбивал ровный, уверенный ритм, подстраиваясь под биение сердца, а флейта то взмывала вверх, то снова опускалась, выводя тонкую, жалобную мелодию. Любопытство в Аэриане разгоралось не спеша, как разгораются новые фонари.

Умиротворение разливалось по телу, смешиваясь с вечерним воздухом, с мерцанием огней, с ритмом музыки. Здесь, на балконе, среди тёплого камня, дрожащего света и ночных голосов, время растягивалось, позволяя дышать глубже и замечать мелочи.

Аэриан снова пригубил вино, опустил взгляд на двор, где огни и тени танцевали друг с другом.

В его мыслях не было спешки, а было спокойное, зрелое предвкушение. Не страсть, рвущаяся вперёд, а желание, которое зреет, как зреет в темноте ночной цветок, раскрываясь навстречу лунному свету. В этом ожидании было своё удовольствие.

Служанки, расставлявшие по низким столикам чаши с сахаренными фруктами и кувшины с охлаждённым вином, вдруг разом замерли, увидев жрицу. Их головы склонились в почтительном полупоклоне. Воздух в комнате стал гуще и слаще.

Аэриан обернулся.

Каждый шаг жрицы был похож на вздох, на паузу между двумя нотами, на миг, когда дыхание задерживается от предвкушения. Полупрозрачные слои ткани, лёгкие, как дыхание, колыхались вокруг неё, то приоткрывая, то снова пряча изгибы тела, играя с терпением тех, кто смотрел. В мерцании свечей ткань то вспыхивала янтарём, то гасла.

От волос жрицы, собранных в сложную причёску с тонкими нитями жемчуга, тянулся лёгкий, свежий аромат жасмина. Этот запах скользил по комнате, как шёлковая лента, ложился на кожу, будоража и успокаивая одновременно.

Музыка внизу стала тише, почти растворилась, оставив лишь редкие, мягкие удары, похожие на неторопливое бие-ние сердца.

— Добро пожаловать в храм Танца и Неги, лорд Аэриан, — сказала жрица, и её голос прозвучал как шёпот, который хочется слушать снова и снова. — Здесь время течёт иначе. Здесь мгновения не спешат. И каждое из них может стать особенным. Если вы позволите.

Её слова легли в воздухе, тонкой вуалью. Аэриану нравилось это чувство: когда тишина не давит, а обнимает, когда мягкий свет становится почти осязаемым.

Желание нарастало в нём. Но теперь к нему примешивалось ещё и лёгкое, острое нетерпение. Аэриан ловил каждый жест жрицы, каждую складку полупрозрачной ткани, каждый отблеск огня в её глазах, и с каждым мгновением ему хотелось приблизиться, коснуться, узнать, какой будет эта

ткань на ощупь, какой будет её кожа, какой будет тишина, когда они останутся наедине.

Каждый взгляд жрицы был обещанием.

— Я рада, что вы здесь, — добавила она чуть тише. Чуть интимней. — Позвольте показать вам, как в этом храме учат слышать тишину.

Аэриан будто сам примерял это новое, тягучее время, в котором слова становились тяжелее. Но под этим спокойствием уже пульсировало желание. Он был готов позволить ей вести этот танец. Хотя бы до тех пор, пока не догорит последняя свеча. А может быть, и дольше.

— Позвольте смыть песок и усталость с вашей кожи, лорд Аэриан, — сказала жрица. — В храме Танца и Неги омовение — не просто очищение тела. Это переход. Из суеты дня в дыхание ночи. Из тяжести забот в лёгкость мгновения.

Аэриан кивнул, не находя слов, да и не желая их искать. Он подошёл, чувствуя, как с каждым движением из плеч уходит привычное напряжение, точно само присутствие жрицы уже начинало смывать усталость.

Она повела его по коридору. Не спеша, так, чтобы он успевал замечать детали. Как свет свечей ложится на мозаичные панно, дробясь на сотни золотых искр, как дым благовоний вьётся в воздухе, как над входом в купальню тихо позванивают крошечные колокольчики, отзываясь на каждый шаг едва слышным серебряным шёпотом. Каждый звук здесь звучал не сам по себе, а как часть единого ритма.

Они вошли в купальню. Воздух здесь был теплее, гуще, напоённый ароматами лаванды и розы, но теперь к ним при­мешивался ещё и тонкий, пряный оттенок мускуса. Еле уловимый, почти тайный.

Мраморный бассейн, выложенный мозаикой с изображением морских существ, мерцал в свете ламп. Волны и раковины, сплетённые в бесконечный узор, казались почти живыми.

У края бассейна уже ждали две служанки. Одна держала в руках мягкие шёлковые полотенца, тонкие, как лепестки, и прохладные на вид. Другая — чашу с ароматизированной водой и мочалку из морских водорослей. Нежную, податливую, идеально подходящую для кожи. Их позы были почти­тельными, но не скованными. Они знали своё место в этом ритуале и исполняли его с той же спокойной уверенностью, что и жрица. В их взглядах, брошенных украдкой на Аэриана, читалось почтительное внимание.

Жрица остановилась рядом с Аэрианом, её полупрозрачные одежды на миг слились с мерцанием света, а потом она мягко, без лишней суеты, начала помогать лорду освободиться от дорожной одежды. Каждое её движение было точным, лишённым неловкости, как будто она не раздевала мужчину, а снимала с него тяжесть дня, слой за слоем. И Аэриан позволить этим рукам забрать всё лишнее. Когда последняя ткань соскользнула с его плеч и упала к ногам, он ощутил, как воздух купальни коснулся его кожи.

Затем жрица сняла и свою одежду. Не как откровение, а как ещё один шаг в ритуале, естественный и необходимый. Когда ткань скользнула с её плеч и легла у ног лёгким облаком, Аэриан на миг задержал дыхание. Её силуэт в золотистом свете казался высеченным из самого света, безупречным и манящим, как запретный сон. Ему хотелось смотреть, впитывать каждую линию, каждый изгиб, каждый трепет тени на её коже.

Аэриан опустилсЯ в бассейн.

Взяв мочалку, жрица опустила её в чашу с тёплой водой, смешанной с маслами, и на мгновение прикрыла глаза, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом она начала мягко водить мочалкой по плечам Аэриана, едва касаясь кожи кончиками пальцев. От этих прикосновений по телу Аэриана пробегала тонкая дрожь. От того, как неожиданно остро чувствовалась каждое прикосновение. Казалось, что кожа вдруг стала тоньше, чувствительнее, отзываясь даже на колебание воздуха. Когда пальцы жрицы скользнули ниже, вдоль линии лопаток, задерживаясь на мгновение там, где под кожей прятались напряжённые узлы усталости, Аэриан невольно выдохнул от внезапной остроты ощущения. Вместе с напряжением уходила старая, въевшаяся в мышцы настояренность, а на её место приходило новое, горячее чувство, растекающееся по венам, жидким огнём.

Одна из служанок тихо поливала тёплой водой его спину и плечи. Воздух становился плотнее, насыщеннее, впитыва-

вая в себя каждый звук, каждый вздох, каждое прикосновение. Жрица тем временем склонилась чуть ближе, её дыхание стало частью атмосферы купальни. Тёплое, ровное, успокаивающее, но в то же время будоражащее.

Жрица омыла лицо лорда, смачивая тонкую ткань в воде и прикладывая её ко лбу, вискам, щекам. Каждое прикосновение было как пауза между ударами сердца. Долгая, глубокая, наполненная смыслом. И в этих паузах рождалось желание.

Постепенно её движения становились всё более чувственными, но не теряли своей ритуальной точности. От плеч она спускалась к рукам, потом вдоль позвоночника, едва касаясь кожи, вычерчивая на ней невидимые узоры. Иногда её пальцы задерживались чуть дольше, запоминая рельеф его тела, и тогда по спине Аэриана прокатывалась новая волна дрожи. Уже не от прохлады воды, а от желания, от предвкушения, от понимания, что каждое её движение — это не просто очищение, а медленное, бережное пробуждение. Его пульс отбивал всё более быстрый ритм, а дыхание становилось глубже, тяжелее, и он уже не пытался его скрыть, ему хотелось, чтобы она слышала, как отзывается на её прикосновения его тело.

Аэриан закрыл глаза, позволяя себе полностью отдаться этим рукам. Его тело расслаблялось.

Жрица шептала мелодичные слова на древнем наречии храма Танца и Неги. Аэриан не понимал смысла этих слов, но чувствовал их действие. Они снимали с него не только дорожную пыль, но и броню обязанностей, титулов, решений,

оставляя только мужчину, который умеет чувствовать. Который хочет чувствовать. И с каждым словом, с каждым прикосновением эта потребность становилась всё сильнее, превращаясь из тихой тяги в настойчивое, почти неукротимое желание.

Когда омовение подошло к концу, жрица отложила мочалку и, взяв одно из шёлковых полотенец, начала осторожно промакивать кожу Аэриана. Её движения оставались такими же уверенными, но теперь в них появилась новая, интимная нота. Она не торопилась, желая продлить каждое касание, и Аэриан ловил эти мгновения, запоминая, как шёлк скользит по коже, как её пальцы едва заметно задерживаются на изгибах плеч, на линии ключиц, на впадине у основания шеи, на груди, внизу живота... В этих задержках, в этих лёгких паузах таилось больше, чем в любых словах. Они говорили о внимании, о желании, о том, как тщательно она изучает его, как бережно пробуждает в нём то, что днём пряталось за маской лорда и воина. И с каждой такой паузой, с каждым едва уловимым касанием внутри Аэриана разгорался огонь, который уже нельзя было назвать просто предвкушением.

В глазах жрицы мелькнуло едва заметное удовлетворение. Не от власти над ним, а от того, что ритуал шёл именно так, как должен был. Она чувствовала, как меняется его дыхание, как расслабляются мышцы, как в нём пробуждается то, о чём он сам, возможно, даже не подозревал.

Наконец, когда последние капли воды были стёрты, жрица

протянула ему руку как приглашение идти дальше.

— Теперь вы готовы, — произнесла она, и в её голосе прозвучало обещание. — Пойдёмте. Ночь только начинается.

И Аэриан, не раздумывая, последовал за ней.

Они покинули купальню и направились в покои, где мерцание свечей обещало не просто отдых.

Они вошли в покои. Здесь не было спешки, только мерцание свечей, отбрасывающих на стены живые, танцующие тени. Блики ложились на кожу Аэриана тонкими золотыми лентами.

Жрица остановилась у ложа, покрытого тканями, мягкими, как лепестки ночных цветов, и на мгновение замерла. Её взгляд скользил по Аэриану, не торопясь. Она читала на его теле историю всех дорог, что он прошёл, и собиралась стереть каждую усталость одним прикосновением.

Служанки принесли свежие фрукты, разрезанные на тонкие ломтики, и кувшин охлаждённого вина, украшенный тонкой чеканкой. Они расставили угощение на низком столике у стены, подожгли новые благовония. Дым поднялся тонкой струйкой, и покои наполнились обволакивающим ароматом, обещая наслаждение.

— Здесь время течёт иначе, — прошептала жрица, и голос её звучал как продолжение музыки, едва слышной, доносящейся издалека, из скрытых галерей храма. — Оно не торопит. Оно даёт почувствовать каждое мгновение.

Аэриан позволил себе опустить плечи. Сейчас он хотел

быть просто мужчиной.

Жрица подошла ближе, уложила его на ложе. Не спеша провела кончиками пальцев по линии его плеча, по изгибу ключицы, по впадине у основания шеи, по груди. Это не было порывистым жестом страсти. Под её пальцами кожа Аэриана отзывалась тонкой дрожью.

Аромат жасмина витал в воздухе, смешиваясь с теплом их тел, обволакивая, обещая. Запах благовоний сплетался цветочным шлейфом.

Жрица наполнила кубок вином и поднесла его Аэриану. Он сделал глоток. Жрица взяла ломтик спелого персика, разрезанного так, что из него сочился прозрачный, сладкий сок, и поднесла его к губам Аэриана. Лорд принял угощение медленно, не сводя с жрицы глаз, и на миг замер, ощущая, как сладость фрукта смешивается с терпкостью вина.

Сок скользнул по его нижней губе, тонкой тёплой дорожкой, и прежде чем Аэриан успел стереть его, жрица коснулась этой капли кончиком пальца, а затем поднесла палец к своим губам.

Аэриану хотелось слизать сок с её пальцев. Он поймал жрицу за руку, не сжимая, а едва касаясь, и прижал к своей щеке.

— Ты кормишь меня и возвращаешь силы, — сказал он.

Жрица взяла ещё один ломтик фрукта и снова поднесла к его губам, но на этот раз, когда сок снова скользнул по коже, он не стал ждать. Он наклонился и коснулся её пальцев губа-

ми. Жрица не отстранилась. Она налила ещё немного вина, и они пили по очереди из одного кубка.

Аэриан не удержался, наклонился к жрице и приник к ней губами. Её губы отдавали сладостью и терпкостью вина. Он углубил поцелуй. Теперь ему не хотелось ни прятать, ни усмирять то, что рвалось изнутри. Желание разгоралось сильнее, и он уже не думал о том, чтобы его укротить. Он хотел, чтобы этот огонь поглотил его без остатка, стёр границы между усталостью и жаждой, между долгом и этим мгновением.

Аэриан провёл ладонью по груди жрицы, поиграл с затвердевшими сосками. Склонился и провёл вокруг соска кончиком языка, накрыл его губами, принялся ласкать и облизывать, точно редкую сладость. Жрица едва слышно выдохнула. Аэриан приник к другому соску, наслаждаясь податливым телом жрицы. Его руки скользнули к изгибу талии, к внутренней поверхности бедра. Кончики пальцев коснулись гладкой, шелковистой кожи внутренней поверхности, поднялись выше, тронули нежную кожу, очертили круг, скользнули внутрь. И жрица тихо застонала. Аэриан едва прикусил сосок и отпустил его. Он проникал в жрицу пальцами, одновременно лаская её. В его глазах полыхало возбуждение. Лорд снова приник к жрице в глубоком поцелуе. Его язык ласкал её рот, а пальцы — сосредоточие желания.

Усталость заменилась желанием, которое полыхало бушующим пламенем.

Жрица легко отстранилась от лорда и начала покрывать поцелуями его грудь, спустилась к животу. Каждый поцелуй был как тихий знак, как слово на забытом языке, которое Аэриан вдруг начал понимать не разумом, а всем телом. Жрица коснулась губами напряжённого члена, плотно обхватила губами головку. Её язык затанцевал, даря наслаждение. Аэриан замер на мгновение, задержав дыхание, его пальцы скользнули по волосам жрицы, не притягивая, а просто удерживая, будто пытаюсь удержать само время.

Возбуждение в лорде разгоралось, как пожар, сметающий всё на своём пути. Аэриан, измотанный долгой дорогой отдался умелым прикосновениям и поцелуям жрицы.

Он поймал её взгляд и на миг удержал его. Её язык, словно невесомая бабочка, порхал по его члену. Каждое прикосновение отзывалось в Аэриане не просто дрожью желания, а волной, которая поднималась откуда-то из глубины, заставляя его сильнее сжимать кулаки, чтобы не сорваться в спешку, не потерять эту тонкую грань между ожиданием и взрывом.

Аэриан вдруг почувствовал, насколько он сейчас уязвим. Его сила, его привычка держать всё под контролем рассыпались, как песок между пальцами. Он закрыл глаза снова, позволяя ей вести.

Жрица отстранилась и приподнялась над Аэрианом. В этом её движении была не спешка, а выверенная ритуальная медлительность. Напряжённый член едва касался неж-

ной, влажной кожи.

Лорд смотрел на жрицу снизу вверх, и весь его привычный мир — дороги, битвы, клятвы — сжался до крошечной точки и исчез.

Жрица склонилась чуть вперёд, прикасаясь сосками к груди Аэриана. Он хотел пошевелиться, хотел хоть как-то вернуть себе ощущение контроля, но тело не слушалось, оно жило теперь не по его приказам, а по её ритму, по этим дразнящим, прикосновениям.

Аэриан сжал пальцами край ложа так, что побелели костяшки, но это не было попыткой сопротивляться. Это была единственная опора в мире, который вдруг стал зыбким, как горячий воздух над раскалёнными камнями пустыни.

Её пальцы легко коснулись его груди, задержались ровно там, где бешено колотилось сердце.

— Я держу тебя, — шепнула она ему на ухо и дразняще медленно впустила в себя его в себя.

И от этого у Аэриана на миг перехватило дыхание

Ритм движений жрицы был как древний напев, который он не знал, но тело вдруг вспомнило само. Медленный вдох, пауза, в которой воздух звенел натянутой струной, и затем снова лёгкий, едва уловимый шёпот, от которого по коже бежали мурашки.

Время тянулось, как мёд, и каждый миг длился целую вечность. Аэриан закрыл глаза, но темнота за веками усилила напряжение и растущее возбуждение. Её запах, её дыхание,

её руки, которые умели делать с ним такое, что внутри всё сжималось в узел. И этот узел с каждым её движением становился всё туже, всё горячее, пока не начал пульсировать в унисон с её ритмом. Его тело больше не принадлежало ему, а стало частью храма.

Он попытался поймать её взгляд, удержать хоть каплю контроля в этой встрече глаз.

Жрица провела ладонью по его груди, едва касаясь кожи, а затем она чуть изменила угол наклона, и её движения стали чуть быстрее, будто в ритуале наступил новый этап. Лёгким движением она скользнула пальцами по внутренней стороне его предплечья, там, где кожа была особенно нежной, где каждый нерв будто тянулся навстречу её руке. Аэриан едва слышно выдохнул. Он больше не мог притворяться, что держит себя.

Жрица наклонилась и прошептала ему на ухо. Так тихо, что слова почти сливались с музыкой, но он всё равно их слышал:

— Доверься этому мгновению. Доверься мне.

И он доверился и уже не старался выровнять дыхание. Оно становилось всё прерывистее, всё откровеннее, выдавая то, что творилось у него внутри.

Жрица чувствовала этот нарастающий жар. Её движения становились ритмичнее, чуть настойчивее, быстрее.

Музыка становилась громче, настойчивее, и их движения сливались с ней, создавая единый, пульсирующий ритм. Те-

ни на стенах плясали в такт, будто сам храм участвовал в этом ритуале, благословляя каждое прикосновение, каждый вздох. В какой-то момент время остановилось. Мир сузился до мерцания светильников, до её дыхания, до биения его сердца, которое звучало так громко, что, казалось, его мог услышать весь храм.

И когда напряжение достигло той точки, где уже невозможно было ни дышать, ни думать. Мир на мгновение замер. Аэриан почувствовал, как тугой узел внутри него наконец распустился, рассыпавшись на тысячи крошечных вспышек. Это было растворение. Как будто все границы, которые он годами выстраивал между собой и миром, между долгом и желанием, между страхом и смелостью, просто растаяли, не оставив даже следа.

Он застонал, чувствуя как крепко обхватывает жрица его член, откидывая назад голову.

Аэриан закрыл глаза. А когда снова открыл, мир уже не казался таким зыбким. Шёлковые завесы по-прежнему шевелились от лёгкого ветра, бронзовый свет по-прежнему рассыпался золотыми крупичками по коже жрицы. Аэриан глубоко, спокойно вдохнул, и густой аромат жасмина больше не дурманил.

Жрица склонилась к нему, её волосы скользнули по его плечу. Она провела ладонью по его лбу, стирая капли пота.

Лорд накрыл её ладонь своей. Потом всё начало замедляться. Музыка стихала, тени становились мягче, а прикос-

новения нежнее. Жрица провела ладонью по его плечу, по груди, по лицу. В её взгляде читалось удовлетворение от того, что ритуал шёл именно так, как должен был.

Аэриан посмотрел на неё. В его взгляде была благодарность, смешанная с лёгкой грустью, от понимания, что эта ночь не будет длиться вечно.

Рассвет подкрался тихо, будто боялся спугнуть хрупкую тишину покоев. Первые лучи солнца пробивались сквозь плотные занавеси, ложились на пол золотыми полосками, высвечивали кружащиеся в воздухе пылинки.

Жрица склонилась над Аэрианом и коснулась его плеча самым лёгким прикосновением. Её пальцы на миг задержались у линии его челюсти, скользнули по щеке. Потом она выпрямилась, не торопясь, накинула на плечи тонкую накидку, поправила складки ткани. Она не произнесла ни слова. Всё, что требовалось сказать, уже было сказано минувшей ночью в паузах, в шёпоте, в ритме дыхания.

Она остановилась у порога, чуть задержавшись, прислушиваясь к тишине покоев. Ритуал завершился, как и должно было быть.

Аэриан ещё несколько мгновений лежал стараясь удержать в памяти тёплое, глубокое, обволакивающее чувство. Он слышал, как издалека доносились первые звуки пробуждающейся жизни.

Лорд медленно повернул голову и посмотрел на место рядом с собой. Протянул руку, провёл ладонью по смятым тка-

ням, по тем самым, что ночью казались мягкими, как лепестки ночных цветов.

Постепенно Аэриан начал осознавать, что внутри него что-то изменилось. Стены, которые он столько лет возводил вокруг себя теперь казались не такими несокрушимыми. В них появились трещины, сквозь которые теперь мог проникать свет. Он чувствовал себя опустошённым, но не измотанным, а словно освобождённым от лишнего груза. Как будто он наконец позволил себе быть не только лордом и воином, но и просто человеком.

Лорд сел на ложе, опустил ноги на прохладный пол и глубоко вдохнул. Утренний воздух был свежим, чистым, пах камнем, далёкими благовониями и едва уловимым следом жасмина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.